

П. Н. ПЕРЕВОЩИКОВ

(ИЖЕВСК)

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

I

• Вопросами языкознания интересуются широкие слои трудящихся нашей страны. Этот интерес особенно сильно возрос после опубликования гениальных произведений И. В. Сталина, заложивших основы марксистского языкознания.

Работники советских и партийных организаций, журналисты, переводчики, студенты, рабочие и рядовые труженики колхозов Удмуртской АССР в своих письмах задают лингвистам вопросы, касающиеся теории и практики развития национальных языков. Они интересуются грамматическим строем и лексическим составом удмуртского языка, влиянием языка великого русского народа на удмуртский. Исходя из задач совершенствования последовательно развивающегося переводческого дела, работники печати ставят перед лингвистами вопросы о соответствиях и несоответствиях между грамматическими нормами национальных языков, с одной стороны, и русского языка — с другой.

Грамматический строй удмуртского языка имеет много общего с грамматическим строем коми-зырянского, коми-пермяцкого, марийского и других финно-угорских языков. Это объясняется происхождением данных языков из одного, финно-угорского, языка-основы. Но есть в синтаксисе удмуртского языка и черты, общие с русским языком. Они, очевидно, обусловлены теми свойствами, которые являются общими для всех языковых систем, для каждого языка как общественного явления особого порядка. Кроме того, эти общие черты в синтаксисе в некоторой мере объясняются прогрессивным влиянием русского языка на удмуртский вследствие непосредственного территориального, экономического и культурного общения и сотрудничества удмуртского народа с великим русским народом на протяжении веков.

При всем этом в грамматическом строе удмуртского языка, разумеется, преобладают свои характерные особенности, самобытные национальные черты. В числе особенно характерных черт можно назвать переходные конструкции, совмещающие в своем строении и качества оборотов, и качества предложений; пассивные обороты, выражающие различные чувства и переживания; обидные обороты, построенных на основе различных отглагольных слов; оформление имен притяжательными аффиксами; специфическое строение отдельных групп сложных предложений; богатую систему деепричастий, в том числе и деепричастий, принимающих личные формы; наличие морфологически недифференцированных групп слов в лексическом составе языка и ряд других специфических явлений.

Кроме простых и сложных предложений, в удмуртском языке имеют широкое распространение предложения, осложненные развернутыми

3. Рудасыс кортэс уг адскы, малы ке шуоно, отын корт сяна мужет вецествоос но вань (М. Ск а т к и н, Улэнтэм природа).

4. Страус лобаны уг быгаты, малы ке шуоно, солэн бурдэсыс вакчысэ (Е. Соловьёва во мужет, «Родной кыл», 1950).

5. Нош империалистэс уг пёрмытэ та сгод малпантэсэс угс выло вуттыны. Малы ке шуоно, война ёсутысэсыс пумит ёсутске уюсаса уйыс калыкян бадзым куожымез (Из газеты «Советской Удмуртия»).

6. Скалэс кунян вайнэс азтын шутэтскон вакытаг клеверен яке возь турьнын судоно, малы ке шуоно, та турьнысэсын минеральной сылалтэсыс трос (А. Волков, Трос ёйл понна).

7. Калык оске со бадзым хозяйственной планэм угс вылын быдэме-мезлы, малы ке шуоно, большевистской партия, Советской правительство, Сталин ви ялан сылмаско странамыласэ куожимэз ёсутон сярсыс, калыкжэс улон-вылоназ умоятон сярсыс (Из газеты «Советской Удмуртия»).

3. «В руде железо не видно, потому что в ней содержатся кроме железа и другие вещества».

4. «Страус летать не умеет, потому что у него крылья короткие».

5. «Но империалисты не сумеют осуществить свои грязные помыслы, потому что против поджигателей войны поднимается большая сила трудящегося народа». Буквально: «Но империалисты не сумеют осуществить свои грязные помыслы. Почему если сказать надо, против поджигателей войны поднимается большая сила трудящегося народа».

6. «Корову во время ее отдыха перед отелом надо кормить клевером или луговой травой, потому что в этих кормах содержится много минеральных солей».

7. «Народ верит выполнению этого большого хозяйственного плана, потому что большевистская партия, Советское правительство, товарищи Сталин постоянно заботятся об усилении мощи нашей страны, об улучшении жизни народа».

Эти примеры относятся к предложениям одного типа¹. Составные части таких сложных построений тесно связаны между собой по смыслу (вторая часть раскрывает причину того, о чем говорится в первой) и обычно имеют структурные формы простых лпчных предложений со сказуемыми, которые бывают выражены как спрягаемыми формами глаголов, так и сочетанием неспрягаемых частей речи с соответствующими глаголами (составное сказуемое).

Однако в ряде случаев первая или вторая составная часть указанных сложных предложений может иметь и строение простого безличного предложения со сказуемым, выраженным глаголом в безличной форме (б)².

Все эти факты указывают на то, что рассматриваемые сложные предложения образуются из таких простых предложений, которые в своем строении не отличаются чем-либо необычным. Специфичным в этих сложных построениях является то, что составные их части связаны между собой не обычными союзами или союзными словами, а целым выражением *малы ке шуоно*, соответствующим союзам русского языка *потому что* и *так как*. Буквально это выражение означает «почему если сказать надо».

В сложных предложениях выражение *малы ке шуоно* употребляется в служебной функции союза, но в нем сохранилось, хотя и в слабой степени, первоначальное лексическое содержание, и легко вскрываются грамматические отношения между составными его частями.

По своему происхождению *малы ке шуоно* является своеобразным предложением. Свообразие его состоит, во-первых, в том, что в составе сложного предложения оно появилось как вводное предложение, содержащее добавочное замечание говорящего о связи одной мысли с другой.

¹ Лишь пример пятый оформлен не как сложное предложение. См. о нем ниже.

² Здесь и в дальнейшем цифры в скобках указывают на № примера.

Во-вторых, оно не употребляется в качестве отдельного самостоятельного предложения. Как по своему строению, так и по содержанию выраженные *малы ке шуоно* представляет нечто незаконченное в речи и требующее последующего высказывания.

Отдельные слова в выражении *малы ке шуоно* грамматически организованы по типу односоставного (не имеющего подлежащего) безличного предложения. В роли сказуемого выступал в нем глагол *шуыны* «сказать» в безличной форме *шуоно* со значением «сказать надо». С ним сочеталось обстоятельство причины, выраженное наречием *малы* «почему», в основе которого лежит вопросительное местоимение *ма(р)* «что» в форме дательного падежа. У частицы *ке* «если», следующей за словом *малы*, нетрудно обнаружить былую функцию союза, соединявшего *малы шуоно* с последующим предложением. Таким образом, сочетание *малы ке шуоно* и по происхождению не было настоящим предложением. От обычных предложений оно отличалось структурой и смысловой несамостоятельностью и незаконченностью, тем, что содержало намек на необходимость последующего высказывания.

Для выяснения конкретного значения *малы ке шуоно* в современном его употреблении в составе сложных предложений разберем первый пример. Этот пример — сложное предложение, образованное из двух простых присоединением к первому предложению второго посредством выражения *малы ке шуоно*. Сложное построение здесь оказалось возможным благодаря тому, что части предложения связаны между собой по смыслу: в первой сообщается о твердой уверенности в победе борцов за мир, а во второй дается объяснение причины этой уверенности. Поэтому рассматриваемое сложное предложение, как и подобные ему, может быть построено и без *малы ке шуоно*, т. е. по принципу бессоюзной связи:

Войнатэк улонэв утен понна нюръяськисес одно ик вормовы; та нюръяськонэн кивалта азьмыньсь человекестволэн воздез но дышетйсь ась-мелэн яратоно атаймы И. В. Сталин.

«Борцы за мир непременно победят: этой борьбой руководит вождь и учитель мирового человечества, наш любимый отец И. В. Сталин».

Однако возможность образования бессоюзных сложных предложений не исключает необходимости употребления *малы ке шуоно* в качестве грамматического средства связи частей сложного построения. Сложные предложения, образованные при помощи особых грамматических средств связи, отличаются от соответствующих бессоюзных предложений прочным грамматическим сцеплением своих составных частей и ярко выраженной смысловой основой этого сцепления. *Малы ке шуоно*, благодаря модальному оттенку в своем значении, показывая связь составных частей сложного предложения, особо подчеркивает конкретную смысловую сущность этой связи и поясняющую роль второй части по отношению к первой.

Малы ке шуоно совмещает в себе грамматическое значение союза с оттенком значения вводного предложения. Этим обусловлено то обстоятельство, что в системе сложного предложения *малы ке шуоно* не входит в состав какого-либо из соединяемых предложений и поэтому выделяется особой интонацией в произношении и запятыми в написании. Встречающиеся в печати случаи постановки точки перед союзом *малы ке шуоно* (5) являются в языковом отношении ничем не обоснованными, так как смысловая связь предложений здесь налично.

Конструкции с *малы ке шуоно* возникли сравнительно недавно. Их сложение и систематическое употребление в речи вызвано интенсивным развитием удмуртской письменности. Расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры удмуртского народа, рост печати на родном языке, развитие переводческой работы обусловили

постепенное расширение лексических и структурных возможностей удмуртского языка, появление в нем новых грамматических средств связи и конструкций, к числу которых относятся и сложные предложения с *малы ке шуоно*.

Следует сказать, что выражение *малы ке шуоно*, которое соединяет, как мы уже указывали, составные части сложных предложений, не превратилось еще в настоящий союз. Оно не достигло еще той степени абстракции значения, которая присуща союзу. Выполняя роль союза, *малы ке шуоно* совмещает союзное значение с первоначальным, правда ослабленным, значением модального выражения, в котором ощущаются еще прежние отношения и грамматические связи слов между собой. В *малы ке шуоно* еще не в полной мере установилась смысловая неразложимость, «идиоматичность» союзного речения. Однако это обстоятельство не мешает указанному выражению выполнять функцию союза, обозначающего совершенно определенную связь составных частей сложного предложения.

Изменения в грамматическом строе языка, как учит И. В. Сталин, происходят не вдруг, не путем внезапного взрыва и ломки старой основы, а в течение очень долгого времени, путем постепенного накопления элементов нового качества. Сложные предложения с союзом *малы ке шуоно* образовались в результате постепенного развития и расширения синтаксических возможностей удмуртского языка.

Источником образования и дальнейшего развития рассматриваемых предложений является разговорный язык, язык устного народного творчества удмуртов. В настоящее время они широко распространены в газетах и журналах, в научных произведениях и в массовой политической литературе. Вместе с тем конструкции с *малы ке шуоно* все чаще встречаются и в художественной литературе.

Из изложенного необходимо сделать следующие общие выводы. Рассмотренные сложные построения выделяются из общей массы сложных предложений в удмуртском языке особым способом выражения грамматической связи их составных частей. Выражение *малы ке шуоно*, посредством которого соединяются составные части сложного предложения, совмещает в себе противоречивые свойства. По выполняемой функции в составе сложных предложений оно является союзом. Но в противоположность другим союзам, имеющим лишь грамматическое значение, *малы ке шуоно* не полностью утратило еще и предметное содержание вводного выражения. Это указывает на особое положение *малы ке шуоно* как союза.

III

Существенные особенности имеют в удмуртском языке также конструкции с грамматически недифференцированными именами действия и со служебным словом *бере*, выступающим в одном и том же звучании в функции послелога со значением «после» и союза, соответствующего русскому союзу «после того как». Вот отдельные примеры, на анализе которых можно показать специфику указанных конструкций:

8. *Ваъь кизем сезым еуам бере, соос араны кутскиллям* (Удмуртские сказки).

9. *Зичь мукет т-т-т кошкел бере, атасэз лудкеч бтем но, соос чюш улыны кутскиллям* (Удмуртские сказки).

10. *Шунды пуксем бере, Ува сьбрьсьшукырес ыбайтскем кылъськия М. Я я м и в, Шудбур понна*.

8. «После того как овес раннего сева созрел (после созревания раннего сева овса), они начали жать».

9. «После того как лиса ушла в другой лес (после ухода лисы в другой лес), заяц позвал петуха, и они начали вместе жить».

10. «После того как солнце зашло (после захода солнца), из-за реки Увы послышалась сильная стрельба».

Каждое предложение в этой группе примеров состоит из двух взаимосвязанных частей, выражающих единую сложную мысль³. Одна из частей воспринимается в качестве главной, выражающей основное содержание: сообщение о том или ином действии, событии или явлении. Другая часть, зависимая, сообщает о том, что было, что происходило непосредственно перед событием или явлением, о котором говорится в главной части. Таким образом, зависимая часть выступает в пояснительной функции, она поясняет главную часть с точки зрения времени, указывая на то, что сообщаемое в главной части предложения совершилось после конкретного обстоятельства, являющегося содержанием зависимой части построения.

Такой связи двух мыслей соответствует и грамматическое строение рассматриваемых предложений. Составные части указанных предложений связаны между собой при помощи служебного слова *бере*.

Какова грамматическая природа этих частей? Главная часть обладает всеми признаками обычного предложения: а) такой формой строения, которая присуща не только той или иной составной части сложного предложения, но и простому самостоятельному предложению, выражающему относительно законченную мысль, б) синтаксической цельностью и полнотой построения, благодаря наличию главных членов предложения и обычной форме связи их (т. е. связи согласования). Таким образом, главная часть рассматриваемых предложений по своим признакам не может быть воспринята в качестве оборота. Она имеет совершенно определенную форму строения предложения.

Нельзя этого сказать о зависимой части. В предложениях, приведенных в качестве примеров, и в других подобных зависимая часть имеет нерасчлененную (неопределенную) форму строения. Поэтому она может быть воспринята и как предложение, на основе связи которого с другим предложением образуется сложное построение, и как оборот, являющийся развитием, расширением простого предложения.

В основе зависимой части лежит словосочетание, первым компонентом которого является слово, выражающее субъект действия, а вторым — морфологически недифференцированное имя действия, которое может выступать и в роли сказуемого. Такое словосочетание может восприниматься как сочетание подлежащего со сказуемым, т. е. как организующее ядро предложения, как остов его структуры: *сезы вуэм* «овес созрел» (8), *зичи кошкэм* «лиса ушла» (9), *шунды пуксем* «солнце зашло» (10). Указанными обстоятельствами и обусловлена возможность воспринимать в речи рассматриваемые конструкции как сложные предложения, образованные на основе взаимной связи простых предложений.

Необходимо отметить, что эти конструкции при любых средствах связи (союзных и бессоюзных) своих составных частей не теряют грамматических качеств сложной синтаксической единицы. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно заменить союз *бере* в любом из приведенных примеров другим средством связи, например сочинительным союзом *но* («и»): *Вазь кизем сезы вуэм но, соос араны кутскиллям* «Овес раннего сева созрел, и они начали жать».

Это сложное предложение представляет собой частичное видоизменение приведенного выше предложения, выразившееся в замене союза *бере* союзом *но* и подчинительной связи составных частей сочинительной. Но указанная замена ни в какой мере не ослабила тех грамматических признаков, которые характеризуют данную конструкцию как сложную, образованную в результате взаимной связи простых предложений: *Вазь кизем сезы вуэм и соос араны кутскиллям*.

³ Лишь пример под номером 9 составляет исключение. Он показывает сложное предложение, состоящее из трех частей.

Следовательно, определять рассматриваемые конструкции со служебным словом *бере* как сложные предложения, образованные взаимной связью простых предложений, можно по тем соображениям, что в основе каждой части сложного образования лежит сочетание подлежащего со сказуемым, являющееся организующим ядром предложения.

Тем не менее нельзя ставить эти сложные построения в один ряд с обычными сложными предложениями. Одно то обстоятельство, что зависимая часть этих конструкций, как уже указано, может восприниматься и в качестве оборота, ставит их в особое положение. Конструкции, подобные *сезыь вуэм* «овес созрел», *шунды пуксем* «солнце зашло», необычны по форме своего сказуемого и по форме связи подлежащего со сказуемым. Сказуемое в удмуртском языке, как и в ряде других языков, обычно согласуется с подлежащим в лице и числе. Такая связь обеспечивается тем, что сказуемое выражается спрягаемым глаголом, способным принимать в зависимости от содержания предложения и формы подлежащего соответствующую форму лица и числа.

Связь же подлежащего и сказуемого зависимой части рассматриваемых сложных предложений имеет оформление грамматически неопределенного качества. Она (связь) может быть воспринята и как связь согласования глагола с существительным в форме третьего лица единственного числа, и как связь примыкания в определительном сочетании имен.

Эта неопределенность вытекает из того, что слова *вчэм* (8), *кошкем* (9), *пуксем* (10) и другие с формой *-эм* (*-ем*), *-м* являются грамматически недифференцированными именами действия. Они не входят ни в одну из частей речи: находятся как бы между частями речи и, в зависимости от места и роли в предложении, выступают то в значении одной части речи, то в значении другой.

Если недифференцированные имена действия являются вторым компонентом сочетания и могут выступать, как уже указано, в роли сказуемого глагола⁴ (*сезыь вуэм* «овес созрел», *шунды пуксем* «солнце зашло»), то, кроме того, они могут восприниматься и в роли определяемого существительного (*сезыь вуэм* «созревание овса», *шунды пуксем* «заход солнца»).

Вследствие этого одна и та же группа слов, организованная на грамматической основе сочетания имени действия со словом, выражающим субъект действия, может восприниматься и в качестве составной части сложного предложения, и в качестве оборота. Так, сложная конструкция: *Шунды пуксем бере. Ува събрьсь шуқырес ыбыльськем кылськыз* — может осознаваться и как сложноподчиненное предложение со значением: «После того как солнце зашло, из-за реки Увы послышалась сильная стрельба», — и как предложение с оборотом: «После заката солнца послышалась из-за реки Увы сильная стрельба».

Таким образом, причина сходства форм составной части сложного предложения, именуемой придаточным предложением времени, и соответствующих оборотов заключается в совпадении форм связи сказуемого с подлежащим и форм связи имен в определительном сочетании, составляющем грамматическую основу оборота. Это совпадение объясняется в свою очередь тем, что грамматически недифференцированные имена действия на *-эм* (*-ем*), *-м*, употребленные как второй компонент сочетания, могут выступать в одной и той же форме и в роли сказуемого, и в роли определяемого второстепенного члена предложения. По сравнению с установившимися конструкциями сложных предложений с союзом *бере* рассматриваемые предложения представляют собой конструкции переходного типа.

⁴ В этом случае имя действия имеет значение глагола неочевидной формы прошедшего времени.

К сожалению, особенности конструкций со служебным словом *бере* не всегда учитываются. Отдельные исследователи удмуртского языка склонны считать, что в удмуртском языке совсем нет сложных предложений, зависимая часть которых вместе с союзом *бере* выражает отношения времени, и признают наличие только простых предложений с оборотами. Так, А. В. Конюхова без всяких доказательств утверждает, что «в удмуртском языке отсутствуют придаточные предложения времени с союзом *бере*»⁵. Иначе говоря, она отрицает наличие в удмуртском языке сложноподчиненных предложений, зависимая часть которых вместе с союзом *бере* показывает отношения времени.

Однако это утверждение лишено оснований, оно противоречит языковой действительности, живым, употребляющимся в речи конструкциям. В удмуртском языке имеется целая система построений со служебным словом *бере*, которая показывает путь развития от простых предложений с оборотами через промежуточные, синтаксически не расчлененные конструкции к установившимся формам сложных предложений с союзом *бере*, имеющим значение времени. Рассмотрим сначала конструкции, являющиеся простыми предложениями, осложненными типичными оборотами.

11. *Пумиськисьсьёсэн ортчемы бере Деми лан Пашалась юалля: «Кинъёс соос, Паша? Нош кызьы соос танэ тодо? Оло танэ городысь вань калык тодо?»* (П. Б л и н о в, Улем потэ).

12. *«Луч» колхозэн бадъём электростанция лэстэмэ бере колхозникъёслы уката азинэс урсаны но улонэс югыт, шуадыр карны электро кужым но юртыны кутскив.* (Из экспедиц. материалов Удм. НИИ).

13. *Пось парысь со (су) пормиз парэн кезьыт пиала борды йотскемэ бере* (М. С к а т т и н, Улэягэм природа).

11. «После ухода встретившихся Деми постоянно спрашивал у Паше: «Кто они, Паша? А как знают они тебя? Разве тебя весь народ из города знает?»

12. После постройки колхозом «Луч» большой электростанции колхозникам еще успешнее работать и жизнь свою украшать начала помогать и электросила.

13. «Она (вода) образовалась из горячего пара после соприкосновения пара с холодным стеклом».

В этих примерах мы находим предложения, которые осложнены оборотами, построенными на грамматической основе определительного сочетания имен с послелогом *бере*. Названные обороты, как и зависимая часть сложных предложений с союзом *бере*, поясняют главную часть предложения с точки зрения времени, указывая на то, что действие или событие, о котором сообщает главная часть, происходило после конкретного обстоятельства, являющегося содержанием оборота.

Своей формой строения рассматриваемые простые предложения с оборотами ясно отличаются от соответствующих сложных предложений с союзом *бере*. Основой оборотов является не сочетание сказуемого с подлежащим, а определительное сочетание, в котором в качестве второстепенного определяемого члена выступает имя действия, а в качестве определяющего — имя субъекта действия.

Смысловая связь определения с определяемым именем здесь выражена формами притяжательности, составляющими одну из особенностей грамматического строя удмуртского языка.

Этот особый вид определительной связи слов в удмуртском языке, исходя из наличия специальных оформителей его, можно назвать «притяжательной связью». Для того чтобы разобраться в существе названной связи слов, необходимо учитывать двусторонний характер ее: отношение определяемого к определению и отношение определения к определяемому.

⁵ См. ее статью «Удмурт кыллы дышетоньсь кудог ужнумъёс» в газете «Советской Удмуртия» от 25 марта 1951 г.

Как показывают примеры, отношение определяемого имени к определению выражается аффиксом принадлежности, в рассматриваемых случаях — аффиксом принадлежности 3-го лица мн. числа *-зы* (*ортчемзы* «уход + их», *ужамзы* «работа + их») и аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа *-эз* (*-ез*) (*ййтскемез* «соприкосновение + его»). А отношение определения к определяемому имени выражается аффиксом притяжательного падежа (адессив) *-лэн*, выражающего принадлежность конкретному лицу (*пумиськисьсьэсэн ортчемзы* «уход встретившихся», *вуослэн ужамзы* «работа вод», *парлэн ййтскемез* «соприкосновение пара»).

Как известно, члены определительного сочетания, связанные способом примыкания, обычно стоят рядом: определение располагается непосредственно перед определяемым именем. Несоблюдение этого правила словорасположения нарушает структуру определительного сочетания. Но это правило не распространяется на определительные сочетания, оформленные притяжательной связью. Благодаря специальным оформителям этой связи, между определением и определяемым именем, располагающимся после определения, могут находиться и другие слова (см. 12 и 13), и, несмотря на это, определительное сочетание не только сохраняет свою структуру, но и приобретает более полную форму.

Таким образом, эту группу предложений (11, 12, 13) мы рассматриваем как простые предложения с обстоятельственными оборотами, выражающими отношения времени. В основе строения этих оборотов лежит определительное сочетание имен, связанных между собой специальными оформителями — аффиксами принадлежности.

Рассмотренным предложениям, осложненным оборотами с послелогом *бере*, противостоят сложные предложения с союзом времени *бере*, имеющие типичное для сложных предложений оформление, — такое оформление, которое отличает сложные предложения от простых с оборотами. Вот отдельные примеры, свидетельствующие об этом:

14. *Ми машинас тупатъям бере, кутаскисьсьэсэ йёжестэ сузьы* (Из газеты «Советской Удмуртия»).

15. *1817 арим, войскоос робинас берытскемзы бере, эсьйэлэн приказыя та войскоосъёсэ военной поселениес кылдытъян вал* (Сб. «Родной кыл», 4 кт., 1919).

14. «После того как мы отремонтировали машину, вскоре пришли молотильщики».

15. «В 1817 г., после того как войска возвратились на родину, по приказу царя из этих войск были созданы военные поселения».

В этих примерах мы находим сложные предложения, имеющие в своем составе зависимую часть с союзом *бере*. Указанные предложения отличаются не только от простых предложений с оборотами (ср. 11, 12, 13), соответствующих им по содержанию, но и от недифференцированных конструкций со служебным словом *бере*. От простых предложений с оборотами они отличаются всем тем, что характеризует строение сложного предложения. От недифференцированных же конструкций, т. е. от построений, которые могут быть воспринимаемы и в качестве простых предложений с оборотами, и в качестве сложных предложений (см. 8, 9, 10), они отличаются тем, что являются обыкновенными сложными предложениями.

Как видно из 14 примера, сказуемое зависимой части сложного предложения, имеющей форму строения обычного предложения, выражено спрягаемой формой глагола. Поэтому оно согласуется с подлежащим в форме лица и числа. В данном случае в форме 1-го лица мн. числа: *ми тупатъям* «мы отремонтировали». Такой связи, как указывалось выше, не имеют подлежащее и сказуемое в недифференцированных конструкциях.

В лице и числе может согласоваться с подлежащим и такое сказуемое, которое выражено глаголом в форме прошедшего (неочевидного) времени (см. в 18 примере *войскоос берытскемзы* «войска возвратились»).

Союз *бере* в противоположность союзам в других языках, например в русском, ставится не в начале зависимого предложения, а в конце его как замыкающее слово.

Таким образом, предложения, превратившиеся в составную часть сложных построений с союзом времени *бере*, отличаются от соответствующих им по содержанию недифференцированных построений со служебным словом *бере* такой формой связи главных членов предложения, которая не позволяет воспринимать сочетание подлежащего со сказуемым в качестве сочетания определения с определяемым словом.

Внешние различия между сложными предложениями, с одной стороны, и соответствующими им недифференцированными построениями, а также простыми предложениями с оборотами — с другой, находятся в тесной связи с их различиями по смысловым оттенкам. Оборот, покоящийся на грамматической основе определительного сочетания, второй компонент которого обычно не имеет уточнителей (т. е. поясняющих слов, кроме непосредственно предшествующего определения), естественно, не может выразить тех смысловых деталей, которые выражаются предложением благодаря наличию пояснительных слов при подлежащем и сказуемом.

Богатство конструкций, в основе которых лежат недифференцированные имена действия на *-эм (-ем)*, *-м*, сопровождаемые служебным словом *бере*, не укладывается ни в одну из обычных схем. Имеется еще ряд построений, тяготеющих по тем или иным своим качествам к оборотам. Например:

16. *Сюрес выльсен егит политрук кев висен позьрта сое госпитале кельто. Йонатскем берая сое Москвае кельто* (Сб. «Кизиля», 1948).

17. *Та бригадасы колхозникъёс асьсалям участокъёсытьвы ужъас быдыстэм бере мукет бригадаослы араны но етйнань юрттыгы* (Из газеты «Советской Удмуртия»).

18. *Пичешь артельесты бадъямес колхозъёсы озавем бере социалистической сельской хозяйствега жукта ёсог азинтыны луонлыкъёс кылдйыг* (Там же).

19. *Прявлениэн членёсыа вуэм бере колхозъёс партийной организациэн кивалтысез Николай Семенович ващияк вераз районьс адымлэн лыктам мугез сарьс* (Сб. «Кизиля», 1950).

16. «По дороге молодой политрук заболел. Его устривают в госпиталь. После выздоровления отправляют его в Москву».

17. «Колхозники этой бригады после завершения работы на своих участках помогли другим бригадам жать и лен убирать».

18. «После объединения мелких артелей в крупные колхозы появились возможности еще для более быстрого развития социалистического сельского хозяйства».

19. «После прихода члена правления руководитель партийной организации колхоза Николай Семенович кратко сообщил о цели приезда человека из района».

В этой группе примеров нет сложных предложений, образованных взаимной связью простых предложений. Каждый пример представляет собой простое предложение с оборотом, построенным на определительном сочетании, сопровождаемом послелогом.

Названные обороты, как и ранее рассмотренные (см. примеры 11, 12, 13), поясняют главную часть предложения с точки зрения времени, указывая на то, что действие или событие, о котором сообщает главная часть, происходило после определенного обстоятельства, являющегося содержанием оборота. В основе и этих оборотов лежит недифференцированное имя действия на *-эм (-ем)*, *-м*, сопровождаемое послелогом *бере*.

Однако в оборотах последней группы предложений (примеры 16, 17, 18, 19) имеются и некоторые особенности. В этом отношении заслуживает внимания первое предложение (пример 16). В нем мы видим не обычный оборот с полной структурной основой — определительным сочетанием имен, сопровождаемым послелогом *бере*, а оборот, который состоит лишь из морфологически недифференцированного имени *йонатскем* (являющегося вторым членом определительного сочетания) и послелога *бераз*. Первый же член названного сочетания опущен. Пропуск его обусловлен и компенсирован наличием притяжательного аффикса при послелоге, сопровождающем указанное определяемое имя. В удмуртском языке притяжательный аффикс при определяемом имени, выражая отношения принадлежности, как бы повторяет определяющее слово. Так, сочетание *солэн пиес* означает «его сына + его». Равным образом, выражение *Иванлэн нылыз* означает «Ивана дочь + его», т. е. Ивана.

Такая семантика притяжательного аффикса, присоединяемого ко второму члену определительного сочетания (или к служебному слову при нем), дает возможность в большинстве подобных случаев опускать первый член сочетания при благоприятных условиях контекста. Именно по этой причине опущено определение *политруклэн* «политрука» из сочетания *политруклэн йонатскем бераз*⁶ (16) «после выздоровления политрука». Но эта особенность оборотов (неполнота структурной основы) не мешает отличать их от соответствующих по содержанию зависимых частей сложных предложений.

Сочетание, выступающее в качестве основы оборота, можно отличить от сочетания главных членов предложения и по другим признакам. Сочетание, в котором нельзя выделить особого подлежащего (кроме подлежащего в главной части предложения), может быть только основой оборота (18).

Однако наличие в сочетании слова, выражающего субъект действия, еще не делает это слово подлежащим, если оно грамматически не связано с именем действия как подлежащее со сказуемым. Так, например, нельзя считать подлежащим такое слово в сочетании, которое, являясь названием субъекта действия, имеет форму множественного числа, тогда как сочетаясь с ним имя действия оформлено в единственном числе (см. в 19 примере *правленилэн членъёсыз вуэм бере* «после прихода членов правления»).

В моей статье «Функции и происхождение подчинительного союза *бере* в удмуртском языке», опубликованной в 1949 г. в сб. «Советское финно-угроведение» (т. IV), не совсем четко показано отличие недифференцированных конструкций от обычных сложных предложений с союзом *бере*, с одной стороны, и от оборотов с послелогом *бере* — с другой. Поэтому в этой работе мы стараемся особо подчеркнуть признаки отличия одних построений от других.

В указанной статье допущена и другая ошибка. Без всякой необходимости и некритично в ней цитируется высказывание Н. Я. Марра по вопросу о происхождении одинакового обозначения в языке понятий пространства и времени (стр. 17). После четких высказываний В. И. Ленина о категориях пространства и времени, приведенных на стр. 16 этой же статьи, не было никакой нужды обращаться к скольким рас-суждениям Н. Я. Марра по этому вопросу.

На основании изложенного необходимо сделать следующие выводы. В удмуртском языке широко распространены конструкции со служебным словом *бере*. Эти конструкции делятся по своему строению на сложные

⁶ В ряде случаев притяжательным аффиксом оформляется не само определяемое имя, а сопровождающий его послелог. В этом примере притяжательным аффиксом оформлен послелог *б-ре* (*бераз*).

предложения с союзом времени *бере* и простые предложения с оборотом, сопровождаемым послелогом *бере*.

Грамматической основой структуры предложения, связью которого с другим предложением образуется сложное построение, является сочетание сказуемого с подлежащим, а основой оборота — сочетание второстепенных членов предложения. По этим признакам отличаются сложные предложения с союзом времени *бере* от соответствующих простых предложений с оборотами. Наряду с четким делением рассматриваемых конструкций на предложения и обороты, в удмуртском языке имеются построения промежуточного типа, воспринимаемые и в качестве оборотов, и в качестве предложений.

Такой характер названных конструкций объясняется тем, что в основе их лежат сочетания морфологически недифференцированных имен действия на *-ям* (*-ем*). *-м* со словами, обозначающими субъект действия, такие сочетания, которые могут восприниматься и в качестве связи главных членов предложения, и в качестве связи определения с определяемым именем.

IV

В удмуртском языке выделяются своими особенностями и конструкции, построенные на сочетаниях морфологически недифференцированных имен *вань* и *өвёл* с другими именами. Эти сочетания сопровождаются служебным словом *дыръя*, выступающим в функциях послелога и союза. Например:

20. Академик В. Р. Вильямс гожеъя вал: «Трос пайда сётйсь пудо вордонъё умой радъяны луэ, возе сион вань дыръя гинэ» (Из газеты «Советской Удмуртия»).

21. Гуреяь бамын лысо нюлэс, тёл өвёл дыръя, нырулыса кэдъ сыла (П Ч а й н и к о в, Удмурт литература хрестоматия).

22. Со егит пызы, калык отын өвёл дыръя, гуысь лушкем потам но пегъем (Удмуртские сказки).

20. «Академик В. Р. Вильямс писал: «Высокопродуктивное животноводство можно организовать только при наличии зеленого корма» («только когда имеется зеленый корм»).

21. «На склоне горы стоящий хвойный лес при отсутствии ветра (когда нет ветра) как будто дремлет».

22. «Тот молодой их парень, когда там не было нагода (при отсутствии там народа), скрытно вышел из ямы и убежал».

Мы даем двойной перевод зависимой части каждой конструкции для того, чтобы показать специфику ее строения. Благодаря особенностям в своем строении, эта зависимая часть может осознаваться и как оборот (*вож сион вань дыръя гинэ* «только при наличии зеленого корма», *тёл өвёл дыръя* «при отсутствии ветра»), и как предложение (*вож сион вань дыръя гинэ* «только когда имеется (есть) зеленый корм», *тёл өвёл дыръя* «когда отсутствует ветер»), *калык отын өвёл дыръя* «когда там не было народа»). В связи с этим и служебное слово *дыръя* воспринимается то в роли послелога со значением «при» и «во время», то в роли союза со значением «когда», «пока».

Чем объясняется такая двойственность рассматриваемых конструкций? Это явление объясняется морфологической недифференцированностью слов *вань* и *өвёл* — ведущих слов этих построений.

Слово *вань*, являясь грамматически недифференцированным именем, может выступать в значениях разных частей речи, в том числе и скло-няемых, например:

23. *Нош тон сыче сынонем ведра-
нэ ю тырискод,— лек газис со —
Ванэс бёбл карискод* (Сб. «Кизили»,
1950).

24. *Ваньлы шумпто, бёблясь кы-
шкало* (Удмуртский фольклор).

23. «А ты таким заржавленным
ведром зерно пересыласшь,— сер-
дито сказал он.— Портишь добро»
(буквально: «есть превращаешь
в нет»).

24. «Налицию (т. е. тому, что имеет-
ся) радуются, нужды (т. е. недостатка)
боятся».

Эти примеры показывают употребление слова *вань* в разных падежах в значении имени существительного. В роли сказуемого *вань* семантически приближается к глаголу⁷, и в зависимости от связи с другими словами предложения его лексическое содержание как сказуемого может варьироваться в пределах значений: «есть», «имеется», «существует», «находится в наличии». Например:

25. *Котькинаэн аслав сюлмастько-
мэ но, шумптонов но вань* (Сб.
«Кизили», 1950).

26. *Табере уноя колхозёсын сыче
садёсын вань уни* (Там же).

25. «У каждого есть своя забота и
радость».

26. «Теперь во многих колхозах
такие сады имеются уже».

Өвёл, противоположное *вань* своим отрицательным содержанием, тоже может употребляться в значениях разных частей речи, в том числе и склоняемых (23 и 24). Кроме того, широко используется *бёёл* в значении отрицательной частицы, соответствующей русской частице *не*. Например:

27. *Музъем татын урод өвёл* (Сб.
«Родной литература», 5 кл., 1949).

28. *Нош асьме советской адямис
бастям вормонёсын буйгатскыны
дышемын өвёл. Советской калык ну-
нальны быдэ выль вормонёс бастон
панна тырише* (Из газеты «Советской
Удмуртия»).

29. *Асьмес одйг ар но бере ём
кылькыла на, туя но кылёно бёёл* (Сб.
«Кизили», 1950).

27. «Земля здесь не плохая».

28. «А наши советские люди не при-
выкли (буквально: «не привычны») у-
спешаться достигнутыми успе-
хами. Советский народ ежедневно
старается добиваться новых побед».

29. «Мы ни один год не отставали
еще и кыве отставать не надо».

В этих предложениях *өвёл* употреблен в значении отрицания *не* при прилагательном (27), при причастии (28) и при глаголе (29).

В роли сказуемого *өвёл*, как и слово *вань*, семантически приближается к глаголу⁸ и в зависимости от связи с другими словами предложения может выступать в следующих конкретных значениях: «нет», «не есть», «не имеется налицо», «не существует», «отсутствует». Например:

30. *Котырак тузон, пёсь, шумды
туя кужмо пуже, нош солэсь сай-
улскыны инты өвёл* (Сб. «Родной
кыл», 4 кл., 1949).

31. *Пеймыт но луэ ни, нош пина-
лёс мян өвёл* (Удмуртские сказки).

30. «Крутом пыль, жара, солнце
печет очень сильно, а укрыться от
него нет места».

31. «Темно становится уже, а де-
тей все нет».

В предикативных сочетаниях связь слова *вань*, как и *өвёл*, с другим компонентом сочетания имеет такую же форму грамматически неопределенного качества, какую имеет связь этих слов с другими компонентами в определительных сочетаниях. Это обстоятельство, т. е. совпадение форм *вань* и *өвёл* в роли определяемого члена с формами этих же слов в роли

⁷ Морфологическими признаками настоящего глагола слово *вань* не располагает. Оно не принимает форм глагольного словоизменения.

⁸ Слово *өвёл*, как и *-ань*, морфологическими признаками настоящего глагола не располагает. Оно не принимает форм глагольного словоизменения.

сказуемого, и является причиной наличия в удмуртском языке недифференцированных построений с *вань* и *öвöл*, сопровождаемых служебным словом *дырзя*.

Указанные конструкции, входя в состав сложных предложений в качестве их зависимой части, служат пояснением главной части. Они указывают на то, что действие или событие, о котором сообщается в главной части, происходит при определенных обстоятельствах, а именно: одновременно с действием или событием, о котором говорится в зависимой части сложного предложения. Таким образом, недифференцированные конструкции поясняют главные части сложного предложения с точки зрения отношений времени, показывая одновременность действий или событий. Но в ряде случаев они выражают не столько время действия, сколько условия действия. С этой точки зрения заслуживает внимания вышеприведенный пример 20.

В этом сложном построении зависимая часть его *вож сию вань дырзя гинэ* «только при наличии зеленого корма» («только когда имеется зеленый корм») дает пояснение относительно содержания главной части построения, отвечая на вопрос, когда можно организовать высокопродуктивное животноводство. Однако это пояснение указывает главным образом на конкретное условие осуществления названного мероприятия, а не на время. Стало быть, недифференцированными конструкциями, в основе которых лежит сочетание *вань дырзя* или *öвöл дырзя* с другими словами, можно выражать и иные отношения, например отношения условные.

В удмуртском языке имеются и другие конструкции, которые также совмещают разное содержание, например содержат указания на наличие временных и условных или временных и причинных отношений. Указанное совмещение объясняется тем, что выражаемые средствами языка многие понятия тесно связаны между собой и, изменяясь, могут переходить друг в друга вследствие того, что отображают сложные и многогранные связи предметов, явлений и процессов материальной действительности, их изменения и взаимоотношения. Как учит В. И. Ленин, «...человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их... требует всегда изучения движения понятий, их связи, их взаимоотношений»⁹.

Конструкции с именами *вань* и *öвöл*, выражающие одновременность действий, не укладываются в пределах недифференцированных построений. Среди них есть и построения с совершенно определенными грамматическими качествами.

Выше мы рассмотрели обороты, построенные на основе определительного сочетания имен, оформленных аффиксами принадлежности. Теоретически возможны, внутренне оправданы и такие обороты, основой которых являются определительные сочетания имен *вань* и *öвöл* с другими именами, оформленными притяжательными аффиксами. Развернутые предложения с такими оборотами вполне допустимы по нормам грамматики удмуртского языка. Например: *Гурезь бамын лысо нюлес нырулыса кадь сылэ тöллэн öвöлз дырзя* «На склоне горы стоящий хвойный лес при отсутствии ветра как будто дремлет».

Это предложение представляет собой частичную реконструкцию приведенного выше примера. Недифференцированная конструкция *тöл öвöл дырзя* «при отсутствии ветра» («когда нет ветра») заменяется здесь конструкцией *тöллэн öвöлз дырзя* «при отсутствии ветра» (буквально: «ветра отсутствие + его во время»), воспринимаемой только в качестве оборота.

⁹ Ленинский сборник, XII, М.—Л., МСМXXXI, стр. 181—182.

Конструкции, подобные *тӧллэн ӧвӧлаз дыръя* (при отсутствии ветра), четко разграничены от соответствующих недифференцированных конструкций и обычных предложений тем, что построены на определительном сочетании имен, оформленных аффиксами принадлежности. А имена, соединенные в определительном сочетании при помощи аффиксов принадлежности, как уже отмечалось, являются грамматической основой оборотов, но не могут служить основой ни предложений, ни недифференцированных построений.

Однако в современном удмуртском литературном языке очень редко встречаются обороты, построенные на определительных сочетаниях, в которых определяемые имена *вань* и *ӧвӧл* соединяются с другими именами при помощи аффиксов принадлежности. Ограничены в своем распространении эти обороты и в фольклоре. Предложения, подобные: *Зорлэн ванез дыръя турын буда, зорлэн ӧвӧлаз дыръя чиедоме* (Удмуртский фольклор) «При наличии дождя трава растет, при отсутствии дождя увядает» — представляют не массовое явление, а исключение.

Таким образом, возможность существования в удмуртском языке четко оформленных оборотов с именами *вань* и *ӧвӧл*, т. е. таких оборотов, которые ясно отличаются от соответствующих недифференцированных построений, теоретически оправдана, так как указанные обороты в своем строении не имеют таких свойств, которые были бы чужды грамматическому строю удмуртского языка. Но, несмотря на это, данные обороты не нашли в удмуртском языке широкого распространения.

Если от недифференцированных построений ясно отличаются простые предложения с оборотами, имеющими специальное оформление, то в не меньшей мере отличаются от них и сложные предложения. Наряду с простыми самостоятельными предложениями со сказуемыми, выраженными словами *вань* и *ӧвӧл*, в удмуртском языке широко распространены такие конструкции и в качестве зависимых частей в составе сложных синтаксических образований. Например:

32. *Дасо ваньш мьнз но дугда. Ма бен кароно? — малпа. — Каллен кытйеко, кужыме вань на дыръя* (Л. Толстой, Кавказский пленник, перевод Ф. Савинова).

32. «Пройдет шагов десять и остановится. «Что же делать? — думает. — Буду тащиться, пока сила есть».

В этом примере конструкция *кужыме вань на дыръя* является не оборотом, а придаточным предложением, т. е. зависимой частью сложного предложения, соединенной с основной его частью при помощи союза *дыръя* «пока». В рассматриваемом сложном предложении зависимая часть поясняет главную с точки зрения времени, указывая на то, что действие, о котором говорится в главной части, совершилось одновременно с действием, являющимся содержанием зависимой части.

Какое основание имеется считать конструкцию *кужыме вань на дыръя* (буквально — «сила у меня есть еще пока») зависимой частью сложного предложения, а не оборотом? Для этого имеются следующие основания.

Если бы эта конструкция имела качество оборота, то основой ее строения было бы определительное сочетание. Но сочетание *кужыме вань* является сочетанием главных членов предложения, т. е. таким сочетанием, на основе которого строится предложение, а не оборот.

Совершенно конкретные признаки определяют связь *кужыме* и *вань* как связь главных членов предложения, но не как определительное сочетание. Каковы эти признаки? Слово *вань* сопровождается здесь частицей *на «еще»*. Как правило, эта частица уточняет лексическое содержание предшествующего слова, особо подчеркивая его сказуемость

функцию. Поэтому *вань на* «есть еще» здесь может восприниматься в противоположность *вань* только в роли сказуемого. С такой ролью *вань на* находится в полном соответствии семантика и форма подлежащего *кужыме* «сила моя» («у меня»), выраженного существительным в именительном падеже с притяжательным аффиксом. Благодаря этим признакам *кужыме вань на* выступает как сочетание подлежащего со сказуемым, но не как сочетание определения с определяемым именем.

Таким образом, в сложных предложениях их зависимые части со сказуемыми *вань* и *двѡл*, сопровождаемыми союзом *дырѡя*, отличаются от соответствующих недифференцированных конструкций тем, что построены на грамматической основе сочетания главных членов предложения, отличающегося от сочетания второстепенных членов предложения соответствующими грамматическими признаками.

Но наиболее резко выраженное отличие от недифференцированных конструкций, показывающих одновременность действия, имеют такие построения с союзом *дырѡя*, в которых сказуемое выражено спрягаемыми или другими формами глаголов. Например:

33. *Алексей уг малпа ни, кылдов на-а соли асьме адямиос доры вууны. Нош со тодѡ, музорыа кыгы ке но мыныны быгата на дырѡя, со ллан нюжтѡйськоз, погыльскоз шуыса* (Сб. «Родной кыл», 4 кл., 1949).

34. *Дасяське но сѡд-дано орчыта корка пырондѡс, аран вуумта на дырѡя* (Из экспедиц. материалов Удм. НИИ).

33. «Алексей уже не думает, удачи ли ему добраться до наших людей. Но он знает, что будет ползти, катиться, пока тело его в состоянии двигаться».

34. «Подготовьтесь и с почестями проводите свое новоселье, пока не наступила еще жатва».

Эти примеры представляют собой сложные построения. В составе каждого из них имеется конструкция, соединенная с другой частью сложного предложения при помощи союза *дырѡя*. Указанные конструкции предполагают такими качествами, благодаря которым они ясно отличаются как составные части сложного предложения от оборотов и недифференцированных построений. В основе строения каждого из них лежит сочетание подлежащего и сказуемого, имеющих такие формы выражения, благодаря которым исключается возможность воспринимать их в роли других членов предложения.

Союз *дырѡя*, как и союз *бере*, располагается не в начале зависимого предложения, а в конце его. Все конструкции с союзом *дырѡя*, как и ранее рассмотренные, служат пояснением главной части сложных предложений с точки зрения отношений времени: они показывают, что действие или событие, о котором говорится в главной части, происходит в то же время, когда совершается действие, указанное в зависимой части.

Приведенная нами характеристика смысловых отношений частей сложных предложений с союзом *дырѡя* будет недостаточной, если не указать на то, что здесь временная связь дается с оттенком условной связи. Предложения с союзом *дырѡя*, указывая на время действия, тем самым выражают и условия осуществления этого действия. Таким образом, конструкции времени с союзом *дырѡя* могут выражать и такие временные отношения, которые в какой-то мере переходят в отношения условные.

*

В заключение в настоящем очерке необходимо указать, что в удмуртском языке имеется ряд конструкций, которые по своим особым признакам не укладываются в общепринятую схему грамматической классификации. Как показывают материалы исследования, сложные предложения

в удмуртском языке в истории своего образования имеют разные пути развития. Одни из них образовались путем слияния простых предложений. Таковы, например, сложные предложения, составные части которых соединены при помощи речения *малы ке шуоно*. Другие же сложные предложения возникли на основе простых предложений с оборотами, на основе количественного и качественного развития и переосмысления оборотов. Таким путем образовались, например, предложения времени с союзами *бере* и *дыръя*, причем для последних характерна неопределенность их грамматического качества. В одном и том же оформлении они могут выступать и как обороты, и как составная часть сложного предложения. Такое положение объясняется тем, что в основе недифференцированных построений лежат такие сочетания слов, которые могут восприниматься и в качестве определительных сочетаний, и в качестве сочетаний главных членов предложения вследствие того, что вторым компонентом в указанных сочетаниях являются морфологически недифференцированные слова. Эти конструкции в силу указанных особенностей занимают как бы промежуточное положение между простыми предложениями с оборотами и настоящими сложными предложениями: они являются конструкциями переходного типа.

Товарищ Сталин учит, что язык развивается по внутренним законам своего развития. Конструкции, которые в настоящей статье были подвергнуты анализу, являются конкретным проявлением своеобразных законов развития удмуртского языка, его грамматического строя.
